

УДК 398.32

Тюркские народы в этнокультурном пространстве Удмуртии**Воронцов В.С.**

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Удмуртского института истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН (Ижевск)

Касимов Р.Н.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Удмуртского института истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН (Ижевск)

Поздеев И.Л.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Удмуртского института истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН (Ижевск)

Черниенко Д.А.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Удмуртского института истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН (Ижевск),
доцент Удмуртского государственного университета

По характеру и состоянию межнациональных отношений Удмуртия относится к числу благополучных регионов России. Во многом это связано с феноменом мирного сосуществования трех крупных этнокультурных пластов – славянского, финно-угорского и тюркского. На основе исторических и этностатистических данных впервые проводится системный анализ структуры и основных этносоциальных характеристик тюркского населения Удмуртии в контексте процессов социокультурной адаптации. Формирование тюркского элемента на землях, заселенных удмуртами, основой которого является местная татарская культура, носило поэтапный характер и исторически связано с последствиями трансформаций таких политических образований, как Волжская Булгария, Золотая Орда, Казанское ханство. Определенную роль в оформлении места тюркских народов на этнокультурной карте Удмуртии играют миграционные и этнодемографические процессы современности.

Ключевые слова: адаптация, демография, Камско-Вятский регион, мигранты, тюрки, Удмуртия, этническая структура, этнос, этносоциальные процессы.

Особенностью этнической структуры Удмуртии является сосуществование трех крупных этнокультурных (этноязыковых) массивов – славянского, финно-угорского, тюркского. Пограничное положение земель, расположенных в бассейнах Камы и Вятки (Камско-Вятский субрегион), носило национальный, языковой, духовно-религиозный, повседневного-бытовой характер, способствовало активному культурному соприкосновению разных групп населения и во многом обусловило современный полиэтничный и поликонфессиональный колорит края. По характеру и состоянию межэтнических и межконфессиональных отношений Удмуртия относится к числу благополучных регионов Российской Федерации. Формирование тюркского мира, ядром которого является местная татарская культура, носило поэтапный характер и исторически связано с влиянием на удмуртские земли Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства, миграционными и этнодемографическими последствиями трансформаций этих политических образований [1, с. 199].

В региональной историографии тюркологическая тематика представлена неравномерно. Основной корпус публикаций посвящен различным аспектам этнической истории, традиционной и современной культуре татар [2-6]. По данной тематике в последнее время проведены республиканские и межрегиональные научно-практические конференции [7; 8]. Научные труды, посвященные другим народам – башкирам [9], чувашам [10; 11], кряшанам [12-15] имеют, как правило, краткий обзорный характер. Этносоциологические исследования «новых диаспор» (за исключением узбеков [16; 17]) в Удмуртии до настоящего времени не проводились.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., на территории Удмуртии проживали представители 25 тюркских народов с общей численностью 110753 человек, их доля в общей численности населения республики составляла 7,3 % [18]. Это – один из самых высоких показателей среди всех финно-угорских регионов Российской Федерации. С точки зрения длительности пребывания на территории Удмуртии и содержания современных этносоциальных процессов, данные народы можно разделить на четыре группы.

Первая группа – татары, башкиры, чувашы, кряшаны – тюркские народы, имеющие относительно длительные исторические традиции проживания на удмуртских землях и, как следствие, богатый опыт межнационального взаимодействия с другими национальными культурами.

Татары, будучи коренным народом Урало-Поволжья, имеют давнюю историю освоения Камско-Вятских земель, в большинстве своем они являются представителями экстерриториальной группы волго-уральских татар, значительная часть относится к субэтносу казанских татар. Можно говорить о двух

ареалах расселения татар в Удмуртии – южном и северном. В этногенетическом плане они близки, т.к. в качестве одного из ведущих компонентов этногенеза выступали арские татары. Южный ареал складывался преимущественно за счёт миграций татар из пограничных земель их исторического расселения на территории современного Татарстана. Потомки так называемых «арских князей» составили основу северного ареала, длительное развитие в изоляции от центра в Казани привело к сложению особой этнографической группы, известной как чепецкие (каринские, нукратские) татары [3, с. 5].

В конце XIX в. в удмуртских уездах Вятской губернии проживало более 100 тыс. татар. После образования национальных автономий в 1920-е гг. большая часть татарского населения была включена в состав Татарской АССР. Вместе с тем ряд исторически сложившихся районов расселения – юкаменский и кестымский кусты чепецких татар, татарская слобода в Ижевске оказались в границах Вотской автономной области (ВАО), затем УАССР. В советский период в ходе индустриальных преобразований, развития промышленности и за счет естественного роста рождаемости численность татар постепенно увеличивалась с 17135 (1926 г.) до 110490 (1989 г.) человек. В 1990-2000-е гг. наблюдается демографическая убыль, численность татар сократилась на 10,5 % и на 2010 г. составила 98831 человек (6,7 % населения УР) [18]. В настоящее время на территории республики выделяются три этнографические группы татар: центральная (города Ижевск, Воткинск, Можга; Алнашский, Завьяловский, Кизнерский, Киясовский, Малопургинский, Можгинский, Увинский районы); чепецкая (город Глазов, Базинский, Глазовский, Юкаменский, Ярский районы); сарапульская (города Сарапул, Камбарка, Сарапульский, Камбарский районы). Татары являются одним из наиболее урбанизированных этносов Удмуртии – доля городского населения составляет 83,1 %. Русским языком владеет 99,3 % татар, татарским языком как родным – 68,4 %. По религиозной классификации большинство татар в Удмуртии относят себя к мусульманам-суннитам.

Процессы появления и закрепления башкир на территории современной Удмуртии имеют глубокие исторические корни. Вероятно, активизация контактов с финно-угорским населением связана с последствиями распада Золотой Орды в XV – начале XVI в. и продвижением башкирских племен на север. В составе Российского государства вооруженные восстания башкир XVII-XVIII вв. нередко распространялись на правый берег Камы и затрагивали территорию проживания южных удмуртов. Позднее на части Вятской губернии было создано башкирско-мещеряцкое войско, существовавшее с 1798 по 1865 гг. По переписи 1897 г. в южных и юго-восточных уездах Вятской губернии (Елабужский, Мал-

мышский, Сарапульский) проживало более 13 тыс. башкир. Административно-территориальные и социально-экономические преобразования в период становления Советской власти привели к перераспределению населения, в результате башкир на территории Удмуртской автономной области почти не осталось. В советский период активного промышленного развития и индустриализации Удмуртия остро нуждалась в рабочих кадрах. В 1930-1980-х гг. идет процесс поступательного увеличения численности башкирского населения Удмуртии, который достигает пика к 1989 г. (5217 человек, шестое место среди народов УАССР). Для этносоциальных и этнокультурных процессов среди башкир в Удмуртии новейшего времени характерны определенные тенденции, во-первых, возвращения части населения на этнические земли, во-вторых, ассимиляции в русской и татарской этнолингвистической среде, на сегодня башкирским языком как родным владеет 42 %. Результатом стало заметное (на 24 %) сокращение численности этноса в период с 1989 по 2010 гг. (3454 человек). В настоящее время башкиры в Удмуртии – это преимущественно городское население (82 %), большая его часть (58,3 %) проживает в г. Ижевске, наиболее многочисленные группы представлены в юго-восточной части Удмуртии, в близких или сопредельных с Башкортостаном районах – Сарапульском, Камбарском, Воткинском.

Формирования чувашского населения на территории современной Удмуртии относятся к началу XX в. С 1911 по 1914 гг. шел процесс заселения Граховской волости Можгинского уезда Вятской губернии (ныне – Граховский район УР) выходцами из чувашских этнических земель Казанской губернии. Переселенцы приобретали свободные земли, в результате здесь появилось несколько моноэтнических населенных пунктов, сохранявшихся до 1970-х гг. В советский период численность чувашей в Удмуртии поступательно увеличивалась (1926 г. – 591, 1989 г. – 3173). В 2000-2010-е гг. отмечается заметный процесс деэтнизации, приведший к сокращению численности чувашского населения более чем на 30 %, в основном, как результат урбанизации и этноязыковой ассимиляции. Сегодня во всех районах и городах Удмуртии проживает 2180 чувашей (0,14 % общей численности населения), из них 68 % – городское население, 45 % сохраняют родной язык. Самым «чувашским» районом остается Граховский (11,3 %), относительно компактные сообщества более 50 человек переписью 2010 г. отмечены в Воткинском, Игринском, Кизнерском, Увинском районах [18]. В деревнях чувашаи часто знают языки соседей – марийский, удмуртский. Несмотря на длительное пребывание в иноэтничном окружении, сельские чувашаи сохранили особенности диалекта, календарные и семейные напевы, традиционную

кухню, обряды, народный костюм, по вероисповеданию были православными.

Самобытной этноконфессиональной общностью, которая расселена компактными группами в ряде регионов Урало-Поволжья, являются кряшены – тюркский народ, исповедующий православие (как результат процесса христианизации волго-уральских татар). Численность кряшен в Удмуртии невелика, их историческая судьба может найти аналогии с бесермянами. Впервые как самостоятельный этнос они были представлены в итогах переписи 1926 г. по Вотской автономной области – 2113 человек. Затем, в советский период они исчезли из официального перечня народов, считаясь частью (субэтнической группой) татар, и вернулись из забвения в новейший период, но со значительными демографическими потерями: в 2002 г. – 650, 2010 г. – 482 человека. Современные кряшены – это преимущественно сельское население (66,2 %), проживающее в 9 из 25 районов Удмуртии, главным образом в Граховском районе (88 % всех сельских жителей). Речь кряшен Нижнего Прикамья в современной лингвистике рассматривается как средний диалект татарского языка. При этом значительная часть кряшен считает себя отдельным народом. Этносоциологические исследования в сельской среде показывают четкое дистанцирование от татар, которое проявляется главным образом в религии, языке, традициях [13, с. 283].

Итак, тюркские народы первой группы (татары, башкиры, чувашаи, кряшены) справедливо рассматривать как коренное население Волго-Уральского региона. На территории Прикамья они имеют разный по длительности исторический опыт интеграции в местную социокультурную среду, различную степень взаимодействия с русским и удмуртским населением, сложный характер этнодемографических процессов. Но вместе с тем их можно считать неотъемлемой частью и одним из основных элементов этнокультурного ландшафта Удмуртии.

Вторая группа – представители тюркских народов других регионов Российской Федерации (алтайцы, балкарцы, караимы, карачаевцы, крымские татары, кумыки, нагайбаки, ногайцы, тувинцы, хакасы, шорцы, якуты (саха), составлявшие на момент переписи 2010 г. самобытный сегмент этнической картины Удмуртии. Их численность невелика – от 2 (алтайцы) до 39 (кумыки) человек (всего – 152) и, безусловно, является переменной величиной (по переписи 2002 г. – 132 [19]). С большой долей вероятности можно допустить временный и транзитный характер их пребывания в Удмуртии. Данная группа – это почти исключительно городское население (99,3 %) с высоким уровнем владения русским языком.

Третья группа – тюркские народы, которые имеют свои этнические земли и государственные образования за пределами Российской Федерации – гага-

узы, каракалпаки, турки, уйгуры. Они не участвуют в активных миграционных процессах, но по разным причинам присутствуют в этнокультурной структуре Удмуртии. Единичные представители этих народов зафиксированы уже переписями 1930-1970-х гг., к концу советского периода их численность заметно возросла (171 человек), к 1989 г. больше всего было каракалпаков (73) и гагаузов (52). Можно предположить, что это были выходцы из соответствующих регионов СССР (Средняя Азия, Молдавская ССР), прибывшие в Удмуртию по распределению или родственными связям. В пользу этого предположения говорит тот факт, что все они и в советское, и в настоящее время владеют русским языком. В 1990-2000-е гг. общая численность этих народов несколько снизилась (2002 г. – 142, 2010 г. – 148 человек). Но в отношении отдельных народностей между 1989 г. и 2010 г. заметны демографические отличия: численность каракалпаков снизилась (с 73 до 15), гагаузов (52 и 58) и уйгуров (31 и 26) существенно не изменилась, турак выросла (с 15 до 49). Представители этих народов – преимущественно городское население (69 %), большая часть проживает в г. Ижевске.

Четвертая группа – тюркские народы (азербайджанцы, узбеки, казахи, туркмены, киргизы), которые составляют основу современных внешних миграционных процессов, прежде всего из государств Средней Азии и Закавказья. Эти регионы на протяжении последних 10 лет являются доминирующими миграционными донорами для России. Представители тогда союзных республик появились в Удмуртии еще в довоенный период начала индустриализации, их численность по переписи 1939 г. была невелика – 376 человек. Во второй половине XX в. с развитием промышленности миграционные потоки внутри СССР нарастали и численность рассматриваемых народов поступательно увеличивалась с 1778 (1970 г.) до 4620 (1989 г.) человек, т.е. более 60 % (при этом существенно снизилась численность туркмен). В 1990-2000-е гг. миграционный прирост продолжается, но уже не такими стремительными темпами (16 % к 1989 г.). Основная причина – Удмуртия по своему экономическому потенциалу не является привлекательным объектом для трудовых мигрантов. Следует отметить, что в указанный период положительные демографические процессы среди тюркских народов из зарубежных стран стали возможными за счет нарастающей миграционной активности прежде всего азербайджанцев, в меньшей степени узбеков, в то время как численность казахов, туркмен и киргизов уменьшалась. Перепись населения 2010 г. зафиксировала на территории Удмуртии 3895 азербайджанцев, 1131 узбека, 285 казахов, 108 туркмен, 86 киргизов, всего – 5505 человек. Преимущественно это городское население (77,8 %), более 70 % проживает в г. Ижев-

ске. На момент переписи азербайджанцы были представлены во всех 25 районах Удмуртии, узбеки и казахи в 23, туркмены в 14, киргизы в 6, прежде всего с более развитой социально-экономической инфраструктурой – Завьяловском, Балезинском, Увинском, Игринском и др. районах. Процессам интеграции в местные сообщества способствует высокий уровень владения русским языком (96 %).

В 2014 г. выходцы из Узбекистана составляли 42 % от всего количества иностранцев на территории региона, далее – граждане Азербайджана (10,9 %) [17, с. 125]. Согласно официальному ответу Управления ФМС по Удмуртской Республике, по состоянию на конец 1 квартала 2016 г. на территории Удмуртии на законных основаниях находилось 3900 граждан Узбекистана, 1585 – Азербайджана. Граждане Узбекистана и других среднеазиатских стран в основном работают на объектах строительства в Ижевске, Завьяловском, Якшур-Бодьинском и других районах. Часто мигранты приезжают не только на сезонные работы, но и на круглогодичную работу. Азербайджанцы занимают трудовые ниши, связанные прежде всего с торговлей и сферой услуг. Основными причинами миграционной активности являются экономические трудности и безработица на родине, желание воссоединиться с родственниками, выезд на учебу, межнациональные проблемы на родине, политическая нестабильность в собственной стране и другие. Выбор мигрантами Удмуртии – в экономическом плане не самого престижного региона – во многом обусловлен благоприятной культурной средой, спокойным отношением со стороны местных жителей. Социальной коммуникации как с местным татарским населением, так и внутри мигрантских сообществ способствует родство тюркских языков. Немаловажную роль играет и религиозная близость с татарами: «У нас многие в мечеть ходят, там ... и с татарами знакомятся. У нас с ними много общего в языке, в религии, это помогает общению, дружбе» [20], что может послужить важным фактором установления комплиментарных взаимоотношений, адаптации и интеграции мигрантов в местное сообщество. Тем более, что в регионе достаточно широко предоставлены мусульманские организации: функционирует 24 мечети, сеть воскресных школ, выпускается газета «Муслим» [21, с. 103]. Как отмечают сами мигранты, друзья у них есть и среди русских, и среди удмуртов, но с татарами легче общаться, что помогает и в трудовой деятельности: «Наши начальники – татары, они – мусульмане, мы – тоже мусульмане» [22].

Таким образом, тюркские народы являются важной частью современного этнокультурного пространства Удмуртии. Они дают примеры как продолжительного исторического сосуществования (татары, башкиры, чуваша) с другими национальными сообществами, так и новейших адаптацион-

ных практик (азербайджанцы, узбеки). Тюркский мир в регионе имеет внутреннюю структуру, представленную четырьмя группами, в основе которой лежат временной (длительность проживания в Удмуртии) и географический (наличие и удаленность собственной этнической территории) факторы. Как следствие, в тюркской среде происходят разнонаправленные процессы. С одной стороны, в результате миграционной активности, растет их абсолютная численность, с другой стороны, сжимается языковая среда (доля тюркских языков в общем языковом поле Удмуртии составляет 3,7 %). Демографические показатели неравномерны для разных народов – проблема отрицательной динамики является актуальной для башкир, чувашей, кряшен, более стабильная ситуация наблюдается у татар. В среде новых диаспор данные процессы противоречивы и зависят от условий и обстоятельств их пребывания в регионе. Приток значительного количества мигрантов из Средней Азии, которые практически все являются верующими мусульманами, изменил религиозную ситуацию в регионе. Если раньше основную массу мусульман представляли местные татары, то сейчас появляются выходцы из Узбекистана, Азербайджана и других стран.

Следует учитывать, что в ближайшей перспективе миграционная активность может замедлиться под влиянием уровня социально-экономического развития Удмуртии и изменений в миграционном законодательстве Российской Федерации. Важным инструментом минимизации ассимиляционных потерь, социализации местных тюркских народов, а также адаптации и инкультурации внешних мигрантов является деятельность национально-культурных объединений. В настоящее время имеют республиканский статус и проводят активную работу общества татар, башкир, чувашей, кряшен, азербайджанцев, узбеков. Задача органов государственной власти и гражданских институтов заключается в профилактике конфликтов и правонарушений на этноконфессиональной почве, предупреждении нелегальной миграции, включении иностранных мигрантов в российское сообщество. Сохранение ряда актуальных проблем обуславливает необходимость дальнейшего комплексного изучения тюркского мира Камско-Вятского региона, в том числе механизмов и форм взаимодействия его с другими этническими сообществами.

Литература:

1. Касимов Р.Н., Черниенко Д.А. Историко-культурные основания этноконфессиональной толерантности в Удмуртии // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 21. – С. 198-201.
2. Воронцов В.С., Касимов Р.Н. Татары в Удмуртской Республике. История заселения, численность, социально-демографические характеристики // Татары и ислам в регионах Российской Федерации: религиозное возрождение и этничность. – Казань, 2014. – С. 240-276.
3. Касимов Р.Н. Очерки о религиозно-мифологических представлениях чепецких татар – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2013. – 156 с.
4. Касимова Д.Г. Семейная обрядность чепецких татар (середина XIX-XX вв.). – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. – 333 с.
5. Касимова Д.Г. Татары в истории г. Глазова (1678-1920) // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность: История севера Удмуртии в XVI-XX вв. – Глазов, 2008. – С. 12-17.
6. Пислегин Н.В. Некоторые заметки о татарах «удмуртских» уездов Вятской губернии в дореволюционную эпоху // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. – Казань, 2011. – Вып. 2.
7. Вопросы сохранения нематериального культурного наследия татар Удмуртии: материалы Региональной научно-практической конференции (28 ноября 2014 г.). – Ижевск: Изд-во «Монпоражён», 2014. – 148 с.
8. Татары Удмуртии: история, традиции и современность: материалы межрегиональной научно-практической конференции (29 апреля 2014 г.). – Ижевск, 2014. – 176 с.
9. Шепталин А.А. Башкиры Удмуртии // Феномен Удмуртии / Под общ. ред. М.Н. Губогло, С.К. Смирновой. Т. 3. – М.-Ижевск: Удмуртия, 2003. – С. 602-606.
10. Попова Е.В. Чуваша // Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки. – Ижевск, 2012. – С. 267-272.
11. Шепталин А.А. Чуваша Удмуртии // Феномен Удмуртии / Под общ. ред. М.Н. Губогло, С.К. Смирновой. Т. 3. – Москва; Ижевск: Кн. изд-во «Удмуртия», 2003. – С. 417-419.
12. Куликов К.И., Шепталин А.А. Кряшены Удмуртии // Феномен Удмуртии / Под общ. ред. М.Н. Губогло, С.К. Смирновой. Т. 3. – Москва; Ижевск: Кн. изд-во «Удмуртия», 2003. – М.-Ижевск: Удмуртия, 2003. – С. 562-567.
13. Никитина Г.А. Кряшены // Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки. – Ижевск, 2012. – С. 273-284.
14. Никитина Г.А. Кряшены Удмуртии: этнокультурный портрет // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – Ижевск: УдГУ, 2012. – Вып. 3. – С. 73-81.
15. Шкляев Г.К. Кряшены Удмуртии. Современное социальное и психологическое состояние этноса

- // Информационно-методический сборник МНП УР. – Ижевск, 2000. – С. 41-44.
16. Поздеев И.Л. Проблемы адаптации трудовых мигрантов из государств Средней Азии в полиэтничном регионе // Социум и власть. – 2014. – № 1. – С. 27-32.
17. Поздеев И.Л., Арзамазов А.А. Узбеки в России: практика адаптации в инокультурной среде // Вестник РУДН. – Серия Социология. – 2015. – Т. 15. – № 4. – С. 123-136.
18. Всероссийская перепись населения 2010. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // Территориальный орган ФСГС по УР. – URL: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/
19. Всероссийская перепись населения 2002 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. – URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>
20. Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, Рукописный фонд. Опись 2-Н, Дело 1648. Л. 3.
21. Воронцов В.С., Ильинский С.И. Удмуртская Республика // Межэтнические и конфессиональные отношения в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад. – М.-Ижевск: ИКИ, 2013. – С. 93-105.
22. Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, Рукописный фонд. Опись 2-Н, Дело 1610. Л. 24.

Turkic peoples in the Ethno-cultural space of Udmurtia

V.S. Vorontsov, R.N. Kasimov, I.L. Pozdeev, D.A. Chernienko
Udmurt Institute of history, language and literature
of the Ural of the Russian Academy of Sciences

The authors point out that in terms of the nature and state of international relations Udmurtia is one of the most successful regions of Russia. This is largely due to the phenomenon of the peaceful coexistence of the three major ethnic and cultural layers – the Slavic, Finno-Ugric and Turkic. Based on historical facts and statistical data, a systematic analysis of the structure and the main ethnic and social characteristics of the Turkic population of Udmurtia was carried out for the first time in the context of socio-cultural adaptation process. Formation of the Turkic element in the lands inhabited by Udmurts, which is based on the local Tatar culture, was of a gradual nature and was historically associated with the effects of transformation of such political entities as the Volga Bulgaria, the Golden Horde, Kazan Khanate. The conclusion is drawn that migration and demographic processes of modernity played an important role in allocation of the Turkic peoples on the Udmurtia's ethnocultural map.

Key words: adaptation, demography, Kama-Vyatka region, migrants, Turks, Udmurtia, ethnic structure, ethnos, ethno-social processes.

